

Доценко А.В. Описание города Глухова и Глуховского уезда 1804 года

Статья посвящена описанию уездного города Глухова и Глуховского уезда 1804 года, времени после реорганизации административно-территориального устройства Левобережной Украины, когда вместо наместничеств в 1802 году были организованы губернии и уезды, в том числе и Глуховский уезд Черниговской губернии с центром в городе Глухове. На документальных материалах Государственного архива Черниговской области освещаются вопросы природного, демографического, экономического и культурного состояния этого региона.

Ключевые слова: Левобережная Украина, Черниговская губерния, Глуховский уезд, гражданский губернатор, рапорт, ордер.

Dotsenko A.V. The description of town Hlukhiv and Hlukhiv county of 1804

The article is devoted to the description of the county town Hlukhiv and Hlukhiv district in 1804, that is after the reorganization of the administrative and territorial structure of the Left Bank Ukrain, when instead of the vicegerencies in 1802, provinces and counties were formed, including the Hlukhiv district of the Chernihiv province with the center in the town of Hlukhiv. On the documentary materials of the state archive of the Chernihiv region the questions of natural, demographic, economic and cultural conditions of this region are highlighted.

Key words: Left Bank Ukrain, Chernihiv province, Hlukniv county, civil governor, report, warrant.

19. 02. 2019 p.

УДК 94(=411.16:477.52)

В.В. Назарова**ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ
ЕВРЕЙСКОЙ ОБЩИНЫ ГОРОДА ГЛУХОВА**

В статье на основании документальных источников представлены в хронологической последовательности все этапы формирования еврейской общины г. Глухова, от предпосылок ее возникновения до 1917 года. Многие архивные и документальные источники, использованные при написании данной статьи, вводятся в научный оборот впервые.

Ключевые слова: Глухов, евреи, иудаизм, кагал, еврейская община, синагога, законы о евреях.

На протяжении нескольких столетий в г. Глухове Сумской области Украины проживали евреи. Однако, на данное время эта проблема почти не исследована в украинской историографии. Изучению истории еврейской общины г. Глухова посвящен лишь ряд работ, и то поверхностных. Это книги М.М. Часницкого «Глухов. Евреи. Память жива» [24] и «Евреи. Глухов и Сумщина» [29] – издания краеведческого характера, которые включают ряд статей, основанных на воспоминаниях членов еврейской общины города, рассказах и исследованиях потомков евреев, проживавших когда-то в Глухове, а также различные фамильные списки глуховских евреев, составленные или найденные автором. Основательным трудом по изучению истории глуховских евреев является сборник материалов и документов, составленный В.В. Назаровой «История и генеалогия глуховских евреев в замет-

ках Черниговских губернских ведомостей» [20]. Автор изучила данные газеты, начиная с 1847-го и заканчивая 1917-м годом. В сборник вошли все заметки и объявления с упоминанием евреев г. Глухова и связанных с ними событий, а также комментарии автора к некоторым из них. Книга является ценным источником информации не только по истории и генеалогии глуховских евреев. Сборник содержит сведения по топонимике, истории отдельных зданий и участков, всякого рода происшествиях, торговле, повседневном быте глуховчан и может выступать в качестве дополнительного материала при изучении истории г. Глухова. Теме истории еврейской общины г. Глухова был посвящен ряд публикаций М.М. Часницкого и В.В. Назаровой в периодических изданиях, которые тоже заслуживают внимания. Тем не менее, при подготовке этих работ не был изучен и охвачен целый ряд архивных и документальных источников.

Целью данной статьи является попытка, на основании архивных и документальных источников, представить в хронологической последовательности основные этапы формирования и развития еврейской общины г. Глухова.

В границах сегодняшней Украины евреи жили с давних времен. На территории северного Причерноморья зафиксировано их пребывание еще в I в. н. э. Первые еврейские общины возникли в греческих колониях в Крыму и на побережье Азовского моря. В последующие века упоминания о евреях связаны с Хазарским каганатом, власть которого в I тысячелетии н. э. распространялась на значительную часть современной Украины. Массовое освоение евреями территории современной Украины связано с миграцией из Польши и Центральной Европы ашкеназских евреев. Еврейские общины в Западной Украине возникли в XIII–XV веках на Волыни. К XVI веку еврейские общины сложились во многих городах Галиции, Подолии и Волыни. Именно к этому времени относится появление в этих регионах наиболее старых еврейских кладбищ, памятники которых дошли до наших дней. Во времена Великого княжества Литовского евреи проживали на территории Смоленска, современной Белоруссии и северной Украины. Возможно, еврейская община существовала в это время и на территории современной Глуховщины, по крайней мере именно к этим временам историк Ф. Уманец относит наиболее старое еврейское кладбище в этих краях. Кладбище было довольно обширно, что свидетельствовало о длительном периоде проживания евреев в этих местах. Следы этого кладбища еще обнаруживались в третьей четверти XIX века [1, с. 296].

В результате московско-литовской войны в 1503 году глуховские земли отошли к Московскому государству. Последующие десятилетия литовские войска не раз предпринимали попытки вернуть себе эти земли. Глухов неоднократно переходил из-под власти царя под власть короля. В результате московское правление не внесло существенных изменений в сложившиеся на этих землях еще со времен Великого княжества Литовского порядки.

С ними же, в 1618 году, по Деулинскому перемирию Глухов в качестве приграничного города вошел в состав Речи Посполитой. А уже в 1623 году грамотой королевича Владислава было запрещено евреям проживать на территории Черниговского воеводства, к которому тогда относился Глухов. Основанием этого запрета, как было сказано в грамоте, был значительный ущерб, который евреи наносили в торговле и ремеслах. Однако, известны случаи пребывания евреев, уже после 1623 года, в качестве селитренников на путивльской земле, куда они попадали из ближайших окрестностей [3, с. 28]. Вероятно, евреи могли периодически появляться и в окрестностях Глухова. Закон этот оставался в силе все последующие годы польского владычества, но это несколько не мешало евреям наводнять Левобережную Украину и «под именем панских арендаторов быть до того ревностными их помощниками по угнетению простолюдинов, что последние, вооружившись при Б. Хмельницком против шляхты, считали святым долгом перевешать или выгнать из края вместе с панами и жидов» [2, с. 540]. Национально-освободительная война середины XVII века нанесла непоправимый урон еврейскому населению. На Левобережной Украине еврейские поселения полностью исчезли.

Однако, чуть позже евреи снова появляются в этих краях, имея право бывать там только для торговых дел. В поисках новых рынков сбыта своей продукции, новых сфер коммерческой деятельности и вообще лучшей жизни для своих семей евреи-ремесленники и купцы, вопреки запретам, старались задержаться в этих краях как можно дольше, часто поселяясь вместе со всем семейством и обрстая тесными экономическими узами с этой местностью. С целью пресечь еврейскую торговлю в 1708 году московским царем Петром I было «велено ездить им только до Киева и продавать товары оптом». Указ имел в виду тех евреев, которые многократно приезжали в эти земли и, продав свои товары, увозили за рубеж местную монету. Неоднократно предписывалось выселить и осевших в крае евреев, но эти распоряжения не исполнялись. От гетмана Скоропадского не раз исходили универсалы об изгнании евреев, но число их все равно возрастало. После указа 1721 года гетман обещал, что если у кого-либо окажется еврей, то нарушитель указа будет присужден к штрафу и наказанию, «а жида, им удержанного, велимо все его жидовское имение разграбивши, с бесчестьем и с умалением здоровья, прочь за рубеж обнаженного выгнать» [3, с. 46].

Тем не менее, евреи поселялись в крае, торговали, и этот торговый успех часто создавал им врагов. Местные же торговые люди усердно старались избавиться себя от конкурента, независимо от его вероисповедания. В начале XVIII века мещане и купцы Глухова жаловались, «что из Великороссии понаехали посадские люди, которые и занялись торговлей разными предметами, в частности и водкой (шинками), и глуховским гражданам от того не малая обида и убытки чинятся» [3, с. 49].

В одном из документов говорилось, что евреи «живут для шинкования владельческими напитками вином, пивом и медом, и во владельческих шинках». Так что, скорее всего, местный торговый люд хлопотал именно об удалении евреев. Подобная ситуация складывалась и в других местностях гетманской Украины.

Указом российской императрицы Екатерины I от 26 апреля 1727 года о «немедленной высылке всех жидов» из Украины «за рубеж» был вновь начат процесс активного выдворения евреев [4, с. 123]. В соответствии с этим указом при выселении делалось исключение для тех, кому нужно было взыскать долги с христиан и вообще устроить свои дела. Так, в феврале 1728 года, гетман Апостол предписал Глуховскому сотнику выдать паспорт для проезда в Москву еврею, отправлявшемуся туда для «поискания на некоторых людях долгов своих» [3, с. 49]. Возможно, данное упоминание касалось жителя «заграничного мест. Чернобыль Мовши Маеорова», челобитная которого о возвращении денег, данных в долг глуховским купцам, рассматривалась в мае 1728 года в Московской губернской канцелярии [5, л. 191–192 об.]. В том же 1728 году приезжали из Глухова в Москву по своим тяжбы делам евреи Давыд и Бея, которые ранее нанимались к глуховскому дозору для раздачи вина и пива и «этот дозорец не учинил с ними счета» [5, л. 191–192]. Вышеуказанная оговорка в законе 1727 года давала администрации возможность оставить на прежних местах тех евреев, которые могли откупиться или имели влиятельных покровителей. Но даже при этих послаблениях выдворение евреев должно было отразиться на местной торговле и на жизни всего остального населения, в хозяйственном укладе которого еврейские арендаторы и торговцы играли важную роль. В апреле 1728 года гетман Апостол от имени «войск Запорожских обеих сторон Днепра» выступил с просьбой на высочайшее имя о допущении евреев, наравне с другими иностранцами, торговать на ярмарках [4, с. 123]. 24 августа 1728 года петербургским Верховным советом это ходатайство было удовлетворено, но с оговоркой – евреям разрешили временные приезды в гетманскую Украину на ярмарки с правом оптовой торговли, а чтобы серебряная и золотая монета не уходила за границу, их обязали на вырученные деньги покупать местные товары [3, с. 49]. При этом был подтвержден указ о запрещении евреям иметь оседлость в этих краях. Тем не менее, евреи продолжали проживать как в сельской местности, так и в городах. Евреи жили в Нежине, Кролевце и в Глухове. В последнем, в 1729 году, проживал как минимум один еврей, занимавшийся портняжеским мастерством [3, с. 50]. Временные приезды евреев постепенно превращались в постоянное пребывание. Им помогали в этом землевладельцы, нуждавшиеся в их хозяйственных услугах, в качестве арендаторов, а также евреи продолжали вести торговлю. В 1730 году императрица Анна Иоанновна писала: «Мы

слышим, что малороссийского народа в купечестве обращается самое малое число, но более торгуют греки, турки и жида» [3, с. 49]. В 1731 году гетман вновь повторил требование об удалении оседлых евреев, но решительных мер по их физическому удалению и в этот раз предпринято не было. В 1734 году, благодаря дальнейшим ходатайствам Даниила Апостола и князя Шаховского с уверениями, что «в слободских полках ощущается недостаток в торговых людях», приезжие купцы-евреи получили право розничной торговли на ярмарках. Однако, при этом властям постоянно напоминали, чтобы они ни под каким видом не допускали постоянного жительства евреев в гетманской Украине. Это оказалось почти не выполнимо, т. к. и владельцы имений, где евреи были арендаторами, и многие власть имущие из числа местных помещиков укрывали у себя «запрещенных» евреев. Грань между постоянным и временным пребыванием евреев в этих краях на практике часто стиралась. Из Петербурга регулярно требовали присылки списков проживавших в Гетманщине евреев, и местные власти производили подробные переписи еврейских семейств во всех полках и сотнях [4, с. 123].

Согласно переписи евреев 1736 года в Глуховской сотне проживало 4 еврейские семьи и 3 еврея-одиночки (всего 12 мужчин и 7 женщин). А именно:

«В селе Кочергах живет жид Лейба Лазаревич и при нем мужеска полу 2 и женска 2 душ, за бунчуковым товарищем Стефаном Миклашевским, а по какому указу оным Миклашевским принят, о том в сотенном правлении неизвестно: он же жид с Полши з местечка Брусилева с под владения подчашого королевского величества Олшанского, в Малую Россию пришел уже тому шестой год и жил перве в маенности графа Гавриила Ивановича Головкина в селе Хоружовце за управителем Лоренцевым в шинкарском звании, а от тудова переходячи жил в других местах бавился шинком, а ныне тот жид за оным бунчуковым товарищем Миклашевским в шинку другой год з семьей живет» [6, с. 405].

«В селе Зазерках жительствоет жид Михайло Леонтиев только з жидовкою за означенным бунчуковым товарищем Стефаном Миклашевским в шинкарском звании, а по какому указу оным Миклашевским тот жид принят, о том в сотенном правлении неизвестно. А оный жид с Полши з местечка Ходорова с под владения старосты Тишкевича, як в Малую Россию пришел, тому осмой год и перве в местечку Седневе в доме обозного генералного господина Лизогуба делал золотарское ремесло чрез 4 года, а от туду отошедши бавился в Малороссии ж по разным местам тем же ремеслом, а в 736 году в Филиповку означенный Миклашевский принят его на шинок в оное село Зазерки» [6, с. 405–406].

«В селе Волокитине жительствоет жид Андель един в шинкарском звании за владельцею удовою Грушинскою, а по какому указу тот жид оною Грушинскою принят, о том в сотенном правлении не известно, а тот жид с

Полши уезду Могилевского села Журавич, як пришел в Малую Россию уже пятый год, и перве жил у Монастырского сотника Романовского, а от туду пошедши жил в слободских полках в селе Каплуновце, где и ныне его жена з детми имеетя, в сотню же Глуховскую в оное село Волокитин пришел в июне месяце, где принят оною Грушинскою» [6, с. 406].

«В селе Погребках имеетя жид Яков Иллеч, и при нем семя душ мужеска полу 2 и женска 2, в шинкарском звании за бунчуковым товарищем Андреем Лизогубом, а по какому указу оный Лизогуб того принят, в том в сотенном правлении не известно, а тот жид с Полши з местечка Смелого, владения старосты Бодуцкого. Как пришел в Малую Россию уже шестой год и жил сперва в Харьковском полку и маенности князя Крапоткина в селе Ржавце за прикажчиком его Иваном Василиевым на шинку, а от туду в сотню Глуховскую в 736 году о вербной неделе в село Погребки пришел и там в шинке принят помянутым бунчуковым товарищем Лизогубом» [6, с. 406].

«В селе Божку жительствоет жид Авраам Моисеев, при нем семя мужеска полу 1, а женска 2 душ, в шинкарском звании за казаком сотни Глуховской Василием Новицким, а по какому указу он Новицкий его жида принят, о том в сотенном правлении неизвестно, а живет оный жид в Малороссии, переходя по разным местам, уже шестнадцатый год, и оного жида, когда з Малой России по указу жидов за границу виправлювано, не висилано, затим что он жид тогда был на шинку в селе Будках в отчине Графа Гавриила Ивановича Головкина» [6, с. 406].

«В селе Воргле живет жид един Илля Марков шинкарем за бунчуковым товарищем Стефаном Миклашевским, а по какому указу оный Миклашевский его жида принят, о том в правлении сотенном неизвестно, а тот жид з заграницы з местечка Народища с подвладения житомирского подсудка Повши як пришел в Малую Россию уже пятнадцатый год и жил у Сумского Полковника Ивана Кондратева в селе его Вират на шинку, от туду ж переходом бавился в разных местах шинком, а сего 736 году в юле месяце пришел в сотню Глуховскую в оное село Воргл, жена же его и дети заграницею в местечку Народищах имеют жительство» [6, с. 406].

«В городе Глухове имеетя жид Яков Носович **един**, в ремесле золотарском, живет за Глуховским мещанином Григорием Криворучком, а по какому указы оным Криворучком принят, о том в правлении сотенном неизвестно. А як пришел тот жид в Малую Россию из заграничного места с подвладения Вишневецкого князя тому годов 13, жил он перве в золотниках у иноземца Вихмана, а ныне у показанного мещанина Криворучки живет. Когда ж по указу высилано за границу з Малой России жидов, то того времени в бытность Малороссийской коллегии разным членам делал он жид золотарскую работу, и для того его жида не высилано за границу» [6, с. 406–407].

Вполне возможно, что **един** он был только по официальной версии, а неофициально в Глухове селились и

другие евреи. Так в еще одном архивном документе упоминается еврей Аким Черноморский (в иудействе Ирша), который был прислан из Глухова в Москву, где был крещен в 1740 году [7, л. 6]. Известен и жид Ирша Шлуклер, который жил в Глухове с апреля 1724 года, сначала самостоятельно, а затем при гетмане, после смерти которого перешел к князю Шаховскому, а по смерти последнего, в 1735 году, задолжал 70 рублей денег генеральному писарю Турковскому и за это содержался под секвестром ратуши глуховской [6, с. 405].

Подобное положение евреев в Глухове и Гетманщине продолжалось вплоть до 2 декабря 1742 года, когда указом российской императрицы Елизаветы Петровны было повелено: «...Из всей нашей Империи, из городов, сел и деревень всех мужеского и женского пола жидов, какого бы кто звания и достоинства ни был, со всем их имением, немедленно выслать за границу и впредь их ни под каким видом в нашу Империю ни для чего не впускать, разве кто из них захочет быть в христианской вере греческого исповедания» [8, с. 727–728]. Ссылаясь на указ 1727 года, Елизавета отмечала, что «оние Жиды еще в Нашей Империи, а наипаче в Малороссии под разными видами, яко то торгами и содержанием корчем и шинков жительство свое продолжают, от чего не иного какого плода, но токмо, яко от таковых имени Христа Спасителя ненавистников, Нашим верноподданным крайнего вреда ожидать должно». Поэтому всех евреев предлагалось выселить за границу вместе со всем имуществом и не пускать обратно ни под каким предлогом. В 1743 году в ответ на приказ императрицы Генеральная войсковая канцелярия направила ходатайство о разрешении временного въезда евреям-купцам, в котором ссылались на огромные выгоды для государственной казны от развития торговли, в которой евреи, как известно, всегда преуспевали. Однако Елизавета наложила на ходатайство резолюцию: «От врагов Христовых не желаю интересной прибыли». Указ Елизаветы встретил многочисленное сопротивление как со стороны евреев, так и со стороны помещиков, а также государственного аппарата, в результате чего так и не был полностью исполнен.

В 1772 году, после 1-го раздела Речи Посполитой, к Российской империи отошли белорусские земли вместе с огромным количеством евреев, издавна проживавших на них. Эти евреи, становясь российскими подданными, имели право и далее проживать в местностях, присоединенных от Польши. Стесненные очень высокой концентрацией еврейского населения в районах своего изначального проживания, белорусские евреи постепенно начали переселяться в Черниговскую губернию [2, с. 541]. Зафиксировать их пребывание в Глухове в этот период документально не удалось. Согласно Описи Новгород-Северского наместничества, в 1780 году евреев в Глухове не значилось. С 1794 года евреи официально получили право селиться на территории Черниговской, Киевской и Новгород-Северской (позднее Полтавской)

губерний [9, с. 11]. Это время можно считать началом законного проживания евреев и в Глухове.

Поскольку по роду деятельности евреев государство относило их к торгово-промышленному классу, то, став российскими подданными, все евреи обязаны были в кратчайшие сроки приписаться к мещанскому или купеческому обществу, а жить, как представители данного класса, должны были исключительно в городах. При всем при этом указом 1794 года было повелено: «...с тех из упомянутых евреев, которые таковым дозволением пользоваться желают, собирать с 1 числа следующего июля установленные подати вдвое противу положенных с мещан и купцов христианского закона разных исповеданий, которые же не хотят остаться, таковым дать свободу на основании Положения о городах, по заплате трехлетней двойной подати, выехать из Империи Нашей» [9, с. 167–168].

Практически сразу с момента разрешения евреям жить в пределах Черниговской губернии они начали селиться в Глухове. Еврейская община Глухова быстро росла и развивалась за счет прибывавших из других областей. Основными переселенцами в Глухов были, как и прежде, белорусские евреи, в основном из Витебской и Минской губерний, но были среди переселенцев и евреи из других регионов, например, из Виленской губернии. Прибывали сразу по несколько семей из одного и того же города или местечка [10, л. 659–662 об.]. В 1800 году в Глухове уже числилось мещан евреев 172 души мужского пола и 170 душ женского. В это же время в Глуховском уезде значилось 10 мещан евреев мужского пола и 11 женского. К этому времени в Глухове уже была сформировавшаяся еврейская община – кагал, во главе которого были кагалные – старейшины из числа наиболее уважаемых людей. В Глухове кагалные выбирались из числа записанных в Глуховское мещанское общество евреев сроком на 1 год [11, л. 196–197 об.], но зачастую по результатам перевыборов оставались в этой должности надолго. В 1800 году в Глухове кагалным был Калман Аронович, приписанный к глуховскому мещанскому обществу [12, л. 659].

Евреи, жившие в это время в Глухове или где-либо еще, фамилий никогда не имели. Идентификация производилась по имени и отчеству. К имени присоединялось слово «бен» (сын) или «бат» (дочь). Указом Правительствующему Сенату от 9 ноября 1802 года было предписано это исправить: «Никто из Евреев нигде в России терпим быть не может, если он не будет записан в одном из сих состояний... При сей переписи каждый Еврей должен иметь, или принять известную свою наследственную фамилию, или прозвание, которое и должно уже быть сохраняемо во всех актах и записях без всякой перемены, с присовокуплением к оному имени, данного по вере или при рождении, мера сия необходима для лучшего устройства Гражданского их состояния, для удобнейшего охранения их собственности и для разбора тяжб между ими». Данное «Положение о евреях», в котором и было прописано обязательное присвоение евреям фамилий, было Высо-

чаще утверждено 9 декабря 1804 года. С этого момента повсеместно начался процесс присвоения евреям фамилий. Во многих местностях это затянулось на ни одно десятилетие. В Глухове присвоение евреям фамилий прошло на удивление быстро. В начале 1806 года, т. е. спустя всего год после утверждения положения, предписывающего присвоение евреям фамилий, по различным документам Глуховского городского магистрата местные евреи начинают упоминаться с фамилиями [13, л. 11], а с начала 1807 года они уже абсолютно все имели собственные фамилии. Приведем в пример лишь несколько – 22 февраля 1807 года из числа наиболее уважаемых евреев города Глухова были избраны кагалными: Борох Овельевич Ямпольский, Лейба Рувинов Грознович, Давид Мойсеев Кивин, Лейба Меерович Левитин, Есиль Мордухов Медведев и Ицка Мойсеев Амстиславский [11, л. 196–197 об.]. Раз речь зашла о кагалных, то можно отметить, что в 1825 году на эту должность избирались Меер Чернявский и Лейба Синицкий [14, л. 17], в 1828 году кагалными были Израиль Абрамов Белинкович и Зелик Красовицкий [15, л. 20–20 об.], а в 1829–30 годах – Аншель Малостовецкий [16, л. 28]. Кагалные представляли интересы общины во всех внешних связях, в обеспечении потребностей общины, взыскании с членов общины податей и сбора общественных сумм, необходимых по их религии, а также осуществляли наблюдение за исполнением рекрутской повинности. Последняя до 1827 года заменялась для евреев особым денежным сбором, взимаемым с еврейских общин. Вместо сдачи рекрута мещане, а именно в этом сословии в это время были все глуховские евреи, платили по 300 рублей за каждого назначенного общине рекрута. В 1827 году именным указом императора Николая I для евреев были введены правила об отбывании рекрутской повинности натурой, причём норма набора евреев была почти в три раза больше, чем для христиан (русское население давало в год семь рекрутов с тысячи душ, а с тысячи душ евреев брали дважды в год по десять рекрутов). Также положение евреев усугубляли удвоенные налоги, запрет селиться в сельской местности и ограничения во многих видах деятельности.

Находясь в таких условиях, глуховские евреи не только выживали, но постепенно начали брать в свои руки торговлю и большую часть ремесел. В 1825 году в Глухове держали всевозможные лавки торгующие мещане: Мордух Израилев Юдкевич с сыновьями Юдой и Лейбой, Юда Гершков Халецкий с сыновьями Гиршей и Моисеем, Лейба Янкелев Дорошев с сыновьями Есипом и Янкелем, вдова Песя Ветухновская с сыновьями Иоселем и Файбишем, Гутик Абрамов Белинкович, Михель Израилев Ямпольский, Самсон Ямпольский, Есип Ямпольский, Абрам Ямпольский, Есип Письменный, Меер Красовицкий, Велька Красовицкий, Есип Красовицкий, Илья Красовицкий и Гилька Гельман [14, л. 17, 20, 22]. С 1827 года в числе глуховских купцов начинают постоянно значиться евреи. Первым в Глухове купцом 3-й гильдии из числа евреев

можно считать Ария Моисеева Есманского, занимавшегося в 1827 году «хлебной покупкою» [17, л. 41–43 об.]. В 1838 году, кроме уже указанного Есманского, купцами 3-й гильдии в Глухове числились еще 2 еврея: торговавший хлебом Есель Вадиев Ямпольский и занимавшийся подрядами и содержанием почтовых станций Евзер Ильин Добрушский [18, л. 1–5]. В последующие годы число купцов-евреев постоянно увеличивалось. Они занимались подрядами, вели торговлю, держали постоянные дворы, винокурни и прочее. Мещане-евреи состояли на некоторых общественных должностях, обучали еврейских детей грамоте, содержали шинки, мелочные лавочки, занимались ремеслами, не требующими значительной физической силы. Среди сапожников, портных, золотых, серебряных и часовых дел мастеров преимущественно были евреи. В 1850–51 году среди портных города, как минимум, 25 человек были евреями [19, л. 28–28 об.]. Большинство мещан-евреев жило бедно и тесно, пища их была скудна, мало питательна и часто состояла из сухого хлеба и овощей, и только в шабат улучшалась, в зависимости от достатка каждого [2, с. 541]. Тем не менее, это не мешало глуховским евреям соблюдать свои религиозные обряды. К 1858 году в Глухове были 2 еврейские молитвенные школы: одна занимала каменное здание, другая – деревянное. При каждой из школ состоял ученый раввин. Соблюдались еврейские праздники, законы и традиции. К этому времени численность еврейского населения города составляла 1215 мужчин и 1254 женщины – почти 25% от всего населения Глухова [20, с. 5–7]. В 1860 году число мужчин-евреев в Глухове составляло 1321 человек, женщин – 1319 человек [2, л. 120–121].

В начале 1860-х годов жизнь глуховских евреев начала постепенно меняться. Это было обусловлено сразу несколькими факторами, как общегосударственными, так и чисто местными. К этому времени государственная политика притеснений в отношении евреев несколько ослабела. Постепенно был предпринят ряд мер, облегчающих положение евреев и открывающих для них новые возможности. Евреи получили возможность селиться в сельской местности, быть арендными держателями или управителями состоящих при имениях мельниц, свеклосахарных, стеклянных, винокурных и других заводов, заведование которыми требовало технических знаний и некоторого оборотного капитала. В условиях отмены крепостного права, когда после потери дармовой рабочей силы многие помещики не смогли адаптироваться к новым условиям ведения дела, это было особенно актуально. Евреи начали селиться в Глуховском уезде, где брали в аренду или управление имущество помещиков. Так купец Израиль Абрамович Ямпольский содержал в аренде от помещиков Радченко и Бек в д. Наумовке винокурный завод с подвалами, известковый завод и мельницу; в с. Кучеровке Берка Залманович Михлин арендовал винокурный завод купца Букатина; в с. Тулиголово еврей Вульф Самуилов Турок

распоряжался именем Алферовых, а Ицка Лейбов Мадорский был распорядителем имения Миклашевских в Волокитине. Ерахмаил Евелев Милявский, Есель Гиршев Верный, Янкель Лейбов Абрамов, Мендель Борохов Мишулович, Самуил Ильин Красовицкий, Михель Гиршев Айзенштат, Израиль Моисеев Досковский, Шай Залманов Поз и Моисей Аронов Мнушкин содержали в аренде мельницы в разных районах Глуховского уезда. Много евреев состояли при своих единоверцах мастеровыми, подвальными или прислугой. Остальные содержали в уезде шинки, мелочные лавки, были приказчиками и шорниками на почтовых станциях, занимались торговлей скотом, портняжеством или обучением еврейских детей грамоте. В начале 1880-х годов в Глуховском уезде проживало более 300 еврейских семей [21, л. 1–92]. «Временными правилами» 1882 года было приостановлено совершение на имя евреев купчих крепостей и закладных, засвидетельствование арендных договоров на недвижимое имущество, находящееся вне черты городов и местечек, и доверенностей на управление и распоряжение этим имуществом. Вместе с этим евреи лишились права вновь селиться в сельской местности. Эти правила принудили евреев постепенно вновь перебираться в города. К 1903 году в сельской местности Глуховского уезда оставалось всего 12 семей [22, л. 30], а в 1910 году – 19 семей [23, л. 9].

Положение еврейской бедноты с отменой крепостного права несколько ухудшилось, т. к. часть крестьян начала составлять евреям конкуренцию в ремеслах и мелкой торговле. Зато прослойка богатых евреев, скопивших первоначальный капитал в дореформенный период, смогла воспользоваться новыми возможностями и вложить средства в банковскую сферу, оптовую торговлю и промышленность. Последнему также способствовали перемены на Глуховском рынке. В середине XIX века Глухов был крупным центром хлебной торговли, но в начале 1870-х годов, после проведения железных дорог, которыми Глухов оказался обойденным, упадок торговли был сильно заметен – множество лавок по всему городу стояли пустыми и закрытыми, ликвидировались или переехали из Глухова старые купеческие фирмы. На их место постепенно пришли евреи. Зародилось множество новых, более мелких торговых предприятий, по большей части сосредоточенных в руках евреев, которые сумели подстроиться под существовавшие экономические условия, выжить в них и продолжать свою деятельность. К 1876 году в городе только 2-й гильдии насчитывалось более 30 купцов-евреев [20, с. 71–73]. Большая часть торговли Глухова была в еврейских руках, а также в городе работали кожевенный завод Израила Абрамовича Ямпольского и кирпичный завод Глуховского общественного раввина Арона Хаимовича Глейзера.

В этот период стала развиваться и общественная жизнь евреев – после реформы 1870 года они получили право быть избирателями и самим быть избранными

в Глуховскую Городскую Думу, а также быть в числе присяжных заседателей.

Культурная и религиозная жизнь глуховских евреев во второй половине XIX века тоже была на подъеме. С начала 1870 годов в Глухове жил и работал выдающийся еврейский писатель, публицист и педагог Лазарь Давидович Цвейфель. Чуть позже (с середины 1880-х годов) в Глухове жил купец Саул Бениаминович Гурвич, занимавшийся продажей леса и аптечных товаров, который больше стал известен как еврейский публицист, писатель, переводчик и литературный критик Шай Иш-Гурвич [20, с. 288]. В 1867–1870 годах на главной улице города по проекту архитектора А. Гросса была построена белокаменная златоверхая синагога [24, с. 17]. Помимо нее в городе было еще 2 молитвенных школы. Учеными евреями при них в 1870-х годах состояли Глуховский общественный раввин Арон Хаимович Глейзер, купец Нохим Юдкевич, мещанин Велька Янкелев Красовицкий; старостами – купцы Моисей Ямпольский, Самуил Самуилович и Самуил Еселев Письменный; казначеями были Залман Каплунов и купеческие сыновья Велька Витухновский и Берка Велькин Красовицкий [20, с. 73, 85, 95]. В 1872 году глуховский раввин Глейзер пытался открыть в городе школу русской грамотности для еврейских мальчиков [20, с. 44]. В 1874 году тем же Глейзером, совместно с Л.Д. Цвейфелем, была предпринята попытка открыть в Глухове частный еврейский пансион для мальчиков, но эта затея не увенчалась успехом [25, л. 1–11]. К 1883 году в Глухове было 4 хедера, где обучалось 28 учеников, и 1 Толмуд-тора с 20 учащимися [26, л. 1]. Кроме того, еврейские мальчики и девочки учились, в соответствии с процентной нормой, в мужской и женской прогимназиях, позднее преобразованных в гимназии. Нужно заметить, что если в начале XIX века среди глуховских евреев знали российскую грамоту лишь единицы, то к последней четверти XIX столетия евреи из купеческой среды и более богатой мещанской практически все умели говорить, читать и даже писать по-русски. При этом основным разговорным языком оставался идиш, а иврит был языком богослужений и религиозных текстов.

В 1880-х годах в среде еврейской молодежи Глухова впервые начал заметно проявляться отход от ортодоксальности. Многие евреи после окончания гимназии поступали в университеты и получали специальности, позволяющие выбраться за пределы «черты оседлости». Многие представители молодого поколения понемногу отступали от многочисленных еврейских обрядов и запретов. Любопытный случай, наглядно иллюстрирующий ситуацию, произошел в Глухове в 1882 году. Еврейской молодежью было дано два благотворительных спектакля в пользу беднейших учеников гимназий. Этим спектаклям суждено было стать «яблоком раздора» между евреями города. На вольности молодого поколения евреи старого закала всегда смотрели косо, но ограничивались наставлениями и спорами. Когда вольности дошли до устройства спектаклей, да

еще после второго спектакля молодежь позволила себе потанцевать не по-еврейски (мужчины между собой в одной комнате, а женщины в другой), а кавалеры с дамами, терпение многих евреев с традиционными взглядами лопнуло и в синагоге разразилась целая буря. Одного из евреев, занимавшего должность старосты при синагоге, даже лишили этой почетной миссии за то, что он позволил своим детям играть на сцене. Нашлись среди евреев и те, кто заступился в этой ситуации за старосту. Вышла ссора, которая закончилась потасовкой [27, с. 1222–1223]. В городе начались преследования молодежи насмешками, бранью. Отношения между евреями и остальным населением города, и без того не всегда однозначные, снова обострились.

По данным Первой Всеобщей переписи населения Российской империи к 1897 году еврейское население Глухова достигло 3853 человек (1839 мужчин и 2014 женщин), что составляло 26% от общего числа жителей города (14828 человек) [28].

XX век начался бурными событиями, которые с большой скоростью сменялись одно другим и не могли не затрагивать еврейское население Глухова, как, впрочем, и население всей страны. Начавшаяся в 1904 году российско-японская война унесла жизни 18 воинов-евреев, уроженцев Черниговской губернии. Глуховские евреи Аврам Случевский, Моисей Самуйлович и Рувим Персий принимали участие в боях на Дальнем Востоке [20, с. 281]. Были ли в этих событиях погибшие из числа глуховских евреев выявить не удалось. Первая российская революция 1905–1907 годов тоже имела последствия в среде глуховских евреев. Некоторое время жизнь шла своим чередом. Берка Еселев Харан продавал «в разнос» дозволенную цензурой еврейскую религиозную литературу [20, с. 289], открытая в Глухове в 1904 году библиотека-читальня особенно много посещалась еврейской молодежью, налегавшей на произведения Льва Толстого и других русских писателей [20, с. 282], евреи торговцы и ремесленники занимались своими обычными делами, соблюдались еврейские праздники, законы и традиции.

После октябрьского Высочайшего манифеста, обещавшего новое государственное устройство, по России прокатилась волна еврейских погромов. Только в Черниговской губернии произошло 329 погромов, в которых грабили, убивали, громили и расхищали еврейское добро. 18 октября 1905 года в Глухове состоялась манифестация, после чего по городу пошли слухи о готовящемся еврейском погроме. Еврейское население было в тревоге, одни постарались на время покинуть город, другие нашли убежище в домах христиан. Еврейская молодежь приступила к организации самообороны. Зажиточные евреи во главе с еврейским писателем Ш. Иш-Гурвичем дали деньги и скупили, где только могли и сколько могли, оружие. В итоге наскоро организованная еврейская самооборона была частью вооружена оружием, а остальные – ножами, брусьями, лопатами, кирками и чем попало: все, чем

можно было отразить и нанести удар. Еврейские патрули, чередуясь, всю ночь обходили город. На следующий вечер полупьяные демонстранты с песнями и криками пошли по улицам города, где-то бросая камни в окна еврейских домов. В ответ на это откуда-то из переулка раздался выстрел. Толпа демонстрантов разбежалась. На следующий день по городу прошли слухи, что у евреев много оружия. Совмещая обход улиц и еврейских домов, еврейская молодежь провела в самообороне 3 дня, но в Глухове погрома так и не случилось [29, с. 55–56].

В том же 1905 году в Глухове организовалось несколько партий: социалистов-революционеров, бундовцев, искровцев, и поалей-ционистов. Энергичнее всех работали социалисты-революционеры и бундовцы. Во главе партии Бунда, состоявшей преимущественно из евреев, находились дантист Наум Исаакович Рабинович и акушерка Анна Абрамовна Сендерихина (Янпольская), деятельными участниками партии являлись сапожник Борис Рогачевский, Хиена и Хана Эткинд, Хиена Михлин, гимназисты Рива Залкинд и Куля Рыссенберг, студенты Файвуш Михлин, Самуил Григорьевич Самуйлович и Муня Гинзбург. Партии сочувствовали и в случае необходимости были готовы принять участие в движении более 150 местных ремесленников [30, л. 265–266 об.]. К активной революционной деятельности ни одна из партий не успела приступить, и в 1906 году они все были ликвидированы местными властями.

Последующие несколько лет глуховские евреи принимали участие в культурной и общественной жизни города. Еврейские мальчики и девочки посещали гимназии и городские училища, евреи-врачи, окончившие Императорские Университеты, имели частные практики, уважаемые граждане иудейского вероисповедания были избирателями и сами избирались на разные должности и в гласные Глуховской Городской Думы, занимали посты в общественных и коммерческих учреждениях города, занимались торговлей и производством. К 1914 году 65% всех торгово-промышленных предприятий, находившихся в индивидуальном частном владении, принадлежало евреям города. Это были аптеки, базарные лавки, магазины и склады всевозможных товаров, питейные заведения, агентурные конторы, небольшие заготовительные и промышленные предприятия, ну и, конечно, портняжные, обувные и ювелирные артели и цеха [20, с. 358]. Две работавшие в Глухове типографии принадлежали евреям Янкелю Шмеркову Каспину (позднее Неоху-Бенциону Даниелеву Гуревичу и Залману Гиршевичу Виленскому) и Абраму Израилевичу Дворкину. Фотоателье в городе тоже принадлежали евреям: Эле Давидовичу Любомирскому и Ицке-Залману Янкелевичу Соркину. Численность евреев в Глухове к этому времени доходила до 2 тысяч семей [31, л. 22] (около 6000 человек), что составляло почти 30% всего населения города, а с началом Первой мировой войны еще больше увеличило свою численность за счет притока беженцев из западных губерний.

С началом Первой мировой войны в Глухове начался тотальный призыв на воинскую службу. В первые месяцы войны на фронт были призваны почти все юноши призывного возраста, в том числе и евреи. Прямо из присутствия принятых на службу юношей иудейского вероисповедания отправляли под присягу к казённому раввину Нохиму Залмановичу Юдкевичу и буквально на следующий день отправляли по полученным назначениям. Трудно представить, что творилось в эти дни на железнодорожном вокзале: плач, крики, истерики! Быстрое наступление немецкой армии осенью 1914 года вызвало большой поток беженцев из западных губерний. Вместе с ними в Глухов попало большое количество евреев из охваченных войной районов. Например, в 1914 году в Глухов попал бежавший из немецкого плена Нахман Закс – раввин местечек Рогово и Вешинты Вилькомирского уезда Ковенской губернии. Многие из беженцев после войны так и остались в Глухове, а многие, гонимые переворотами, гражданской войной и погромами, так и продолжали скитания в поисках лучшей жизни.

Дальнейшие события также не могли не отразиться на жизни глуховских евреев. В начале 1917 года жизнь текла своим чередом, проходили выборы на следующее четырехлетие в гласные Глуховской городской думы, на которых многие евреи были избраны в ее состав, а в июле уже висели на всех заборах города новые списки кандидатов в гласные новой демократической Думы. На новых выборах конкурировали 7 списков (партий), в большую часть из них входили представители ранее правившей в городе верхушки власти. Новой властью в городе истинно демократическими признавались лишь два из этих списков: объединенных социалистических партийных организаций Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, Партии Социалистов-Революционеров и «Бунда» (в этот список входило довольно много евреев) и список украинских социалистов [32, с. 2]. Список евреев-домовладельцев города Глухова демократическим не считался. От него в будущую новую Думу попал лишь 1 человек – купец Исаак Яковлевич Айзенштадт. Эти выборы состоялись 23 июля 1917 года. Кроме названного Айзенштадта, в гласные новой Думы были избраны евреи М.Б. Самуилович, З.Л. Гинзбург, А.М. Пиндрик, С.А. Лифшиц, А.С. Письменный, З.З. Михлин, В.М. Шкурман, З.И. Лучинский и А.З. Юдкевич. Число евреев в новой Думе составляло 30% от общего числа гласных [33, с. 3].

Потом грянули погромы и события, связанные с установлением советской власти. Закрылись еврейские школы и существовавшие на протяжении всего XIX века 3 еврейские синагоги. Часть евреев города была убита в ходе событий 1918–19-х годов, множество было вынуждено, спасаясь от погромов, оставить насиженные места и отправиться в скитания по стране и за её пределы в поисках лучшей жизни, другие покинули город, следуя открывшимся перед еврейской молодежью возможностям беспрепятственно получать образование и селиться на

всей территории теперь уже новой огромной страны. Позднее по некоторым оставшимся в городе евреям пройдет колесо сталинских репрессий, Вторая мировая война унесёт сотни жизней воинов-евреев – уроженцев Глухова, а сотни глуховчан – стариков, женщин и детей еврейской национальности – будут расстреляны в урочище Борок. Навсегда закончится целая эпоха в жизни города, напоминать о которой будут лишь поросшие мхом старинные мацевы древнего еврейского кладбища...

ССЫЛКИ

1. Уманец Ф. Село Уланов / Ф. Уманец // Древняя и новая Россия. Ежемесячный исторический иллюстрированный сборник. Выпуск № 8. – СПб., 1879. – С. 286–305.
2. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Черниговская губерния / Состав. М. Домонтович. – СПб.: Типография Ф. Персона, 1865. – 686 с.
3. Гессен Ю. История еврейского народа России // Еврейская летопись, сб. 1, Пг – М., 1923. – 159 с.
4. Выдворение евреев из Малороссии во второй четверти 18-го века // Еврейская Старина. – 1913 г. – Т. 6. – С. 123–129.
5. РГАДА, ф. 248, оп. 31, кн. 1978. Журналы и протоколы Правительствующего Сената за май 1728 г., л. 191–192 и 122–123.
6. Перепись евреев в Малороссии в 1736 г. // Еврейская Старина. – 1913 г. – Т. 6. – С. 406–407.
7. РГАДА, ф. 248, оп. 113, д. 795.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Том 11. 1740–1743. – СПб., 1830.
9. Гессен Ю. Жизнь евреев в России / Ю. Гессен. – М.: «Захаров», 2014. – 336 с.: ил.
10. ЦГИАК, ф. 1826, оп. 1, д. 328. Ревизская сказка г. Глухова, 1795 г.
11. ГАСО, ф. 629, оп. 1, д. 12. Прощения и жалобы жителей, переписка магистрата с полицией, судом, казённой палатой по решению судебных дел, 1807 г.
12. ГАЧО, ф. 132, оп. 2, д. 302. Ревизская сказки евреев, 1795–1800 гг.
13. ГАСО, ф. 629, оп. 1, д. 9. 1806 г.
14. ГАСО, ф. 629, оп. 1, д. 52. Прощения жителей о выдаче им свидетельств на право торговли, 1825 г.
15. ГАСО, ф. 629, оп. 1, д. 69. Сообщения городского старосты, еврейского кагала о посылке сборщиков налогов для взывания казённых податей, 1828 г.
16. ГАСО, ф. 629, оп. 1, д. 78, 1829 г.
17. РГИА, ф. 18, оп. 4, д. 337, 1827 г.
18. РГИА, ф. 18, оп. 4, д. 589. Списки купцов с указанием состава семей и предметов торговли, 1838 г.
19. ГАСО, ф. 629, оп. 1, д. 132. Журнал заседаний Глуховского городского магистрата, 1850–51 г.
20. Назарова В.В. История и генеалогия глуховских евреев в заметках Черниговских губернских ведомостей / В.В. Назарова. – Мозжайск, ОАО «Можайский полиграфический комбинат», 2014. – 400 с.
21. ГАЧО, ф. 127, оп. 14, д. 3306. Список евреев, поселившихся в Черниговской губернии до 23 мая 1882 г. по Глуховскому уезду, 1882 г.
22. ГАЧО, ф. 127, оп. 12, д. 1567. Список евреев, незаконно поселившихся в сельской местности Глуховского уезда, 1903–1904 гг.
23. ГАЧО, ф. 127, оп. 14, д. 4117. Список евреев, незаконно поселившихся в сельских местностях Глуховского уезда до 1 августа 1906 года, 1910 г.
24. Часницкий М.М. Глухов. Евреи. Память жива... Страницы истории еврейской общины Глуховщины / М.М. Часницкий. – К.: Атопол, 2009. – 317 с.
25. ГАЧО, ф. 229, оп. 1, д. 134. Дело об открытии в г. Глухове частного мужского пансиона, 1874 гг.
26. ЦГИАК, ф. 707, оп. 207, д. 28. О количестве еврейских школ и учащихся в них в Глухове, 1883 г.
27. Неделя. Еженедельная газета с приложением ежемесячного журнала романов и повестей – СПб. – № 38. – 1882.
28. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Издание Центрального Статистического комитета Министерства Внутренних Дел. XLVIII Черниговская губерния / ред. Н.А. Тройницкий. – СПб.: Тип. Т-ва «Народная польза», 1905.
29. Часницкий М.М. Евреи. Глухов и Сумщина. Страницы истории евреев Глуховщины и Сумщины / М.М. Часницкий. – К.: Золоті ворота, 2011. – 380 с.
30. ГАРФ, ф. 102, оп. 203, д. 2ч. 69. Дело Департамента Полиции. 7-е делопроизводство. Черниговская губ., 1906 г.

31. ГАКО, ф. 3050, оп. 1, спр. 195. Сведения о погромах в Глуховском уез., м. Конотопе и с. Репок Черниговской губ., организованных бандою Галахова, Деникинцами и друг. и списки убитых во время погромов, 1921–1922 гг.

32. Глуховская жизнь – Глухов. – № 66. – 1917

33. Известия Глуховского Уездного Совета рабочих и крестьянских депутатов – Глухов. – № 1. – 1917.

Условные сокращения

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
 ГАСО – Государственный архив Сумской области
 ГАЧО – Государственный архив Черниговской области
 РГАДА – Российский государственный архив древних актов
 РГИА – Российский государственный исторический архив
 ЦГИАК – Центральный государственный исторический архив, г. Киев

Назарова В.В. Історія виникнення і розвитку єврейської громади міста Глухова

У статті на основі документальних джерел представлені у хронологічному порядку всі етапи формування єврейської громади м. Глухова, від передумов її виникнення до 1917 року. Багато архівних і документальних джерел, використаних при написанні статті, вводяться до наукового обігу вперше.

Ключові слова: Глухів, євреї, іудаїзм, кагал, єврейська громада, синагога, закони про євреїв.

Nazarova V.V. History of creation and evolution of Jewish community of Glukhov town

The article, based on documentary sources, tells about chronological order all the stages of the formation of the Jewish community of Glukhov, from the prerequisites of its origin until 1917. Many archival and documentary sources used in writing this article are introduced into scientific circulation for the first time.

Key words: Glukhov, Jews, Judaism, kahal, Jewish community, synagogue, laws about Jews.

22.02.2019 р.

УДК 271.2-523.42(477.51–25)-722.5–9«180/182»

О.М. Ванжула

ДЕЯКІ АСПЕКТИ ПРОЦЕСУ ФОРМУВАННЯ ШТАТІВ ДУХОВЕНСТВА ЧЕРНІГІВСЬКОГО СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСЬКОГО СОБОРУ НА ПОЧАТКУ ХІХ ст.

У статті проаналізовані зміни джерел утримання та особливості формування штатів соборного духовенства чернігівського Спасо-Преображенського собору на тлі складних суспільно-економічних трансформацій, що відбувались у суспільстві на зламі ХVІІІ–ХІХ ст. Розглянуті причини зростання ролі собору у міському середовищі та зміни в статусі кафедрального духовенства у зазначений історичний період.

Ключові слова: Спасо-Преображенський собор, Чернігів, соборне духовенство, священнослужителі, протоіерей, штатне утримання.

Чернігівський Спасо-Преображенський собор (ХІ ст.) має давню історію та унікальні архітектурно-мистецькі особливості, які завжди привертала пильну увагу дослідників. Проте, тема кафедрального духовенства, яке у ХІХ – на початку ХХ ст. належало до духовної еліти чернігівської єпархії, його роль у міському соціумі за-

лишається маловивченою. Стислі дані про окремих його представників були наведені в історико-краєзнавчих розвідках ХІХ ст. [1]. Тривалий час вивчення персоналій православного духовенства не вписувалось в ідеологічно обмежену атеїстичну марксистську парадигму історичних знань, адже служителі культу були представниками «клерикальної верхівки» суспільства. Сучасні науковці поступово повертають із забуття імена найкращих представників соборного духовенства ХІХ – початку ХХ ст., які мали неабиякі здобутки у вивченні сакральної історії Чернігово-Сіверщини та відігравали провідну роль у загальноєпархіальному житті, просвітницькій та місіонерській діяльності [2]. Вивчення теми кафедрального духовенства було розпочато нами у книзі «Спас Чернігівський» та відповідних тематичних статтях [3]. Мета даної розвідки – розгляд змін в системі утримання кафедрального духовенства та особливостях формування штатів соборних священнослужителів Спасо-Преображенського собору на тлі складних суспільно-економічних трансформацій, що відбувались після остаточної інкорпорації Гетьманщини до складу Російської імперії.

Спасо-Преображенський собор протягом століть відігравав провідну комунікативну роль у житті стародавнього Чернігова. Традиційно він був центром суспільного та духовного життя міста, а відтак служба у першому храмі єпархії завжди була доволі почесною для представників чернігівського духовенства. З давньоруського часу собор мав свої маєтності та єпископську кафедру. За часів Гетьманщини Спасо-Преображенський собор зберігав вагомe значення у житті полкового міста. Навіть на гербі Чернігова ХVІІІ ст. було зображено сюжет Преображення Господнього [4, с. 72]. У соборі присягали козаки та службовці, проходили урочисті церемонії. Упродовж першої половини ХVІІІ ст. чітко прослідковувалась тенденція до зростання штатів соборного духовенства: від шести (1739 р.) до 10 осіб (1743 р.) [5, с. 260]. Соборні протопопи традиційно мали найбільші статки серед духовенства Чернігівського полку. Зокрема, соборний протопіп Спасо-Преображенського собору Григорій Максимович був єдиним представником духовенства, який мав посполитих і підсусідків, великий власний двір у Чернігові та входив до трійки найзаможніших протопопів Чернігівського полку [6, с. 24–25]. Донька Г. Максимовича – Тетяна – стала дружиною наступного протопіпа чернігівського Спасо-Преображенського собору Іоанна Левицького, що свідчило про певну спадковість у подібних призначеннях [5, с. 261]. Ім'я спритного протопіпа неодноразово згадувалось під час розглядання майнових земельних справ [7, с. 438]. Не менш заможним був соборний священник Григорій Іванович Єнько, який належав до відомої чернігівської родини. Аналіз сповідних відомостей Спасо-Преображенського собору першої половини ХVІІІ ст. надає можливість стверджувати, що храм мав найчисельніший штат та найбільшу церковну парафію в Чернігові. На середину ХVІІІ ст. до нього було приписано